

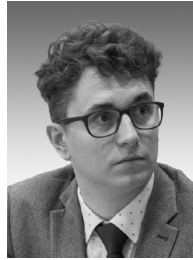
**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE,
SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES**<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.374-392><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/oxffcq>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 316.35(470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Элитогенез в России:
сетевой анализ географической мобильности****И. А. Лавров** ✉ **О. В. Крыштановская***Российский государственный гуманитарный университет
(г. Москва, Российская Федерация)*✉ lavrov.sociology@gmail.com**Аннотация**

Введение. Геомобильность исследуется как канал элитогенеза – пространственные перемещения представителей правящего класса между субъектами Российской Федерации. Актуальность обусловлена переходом социальных наук к парадигме «мобильного поворота», где мобильность рассматривается не как простое перемещение, а в качестве системообразующего принципа социальной организации. Цель исследования – количественная оценка роли геомобильности в поддержании интеграции политического пространства и легитимности власти через сетевой анализ иерархической роли регионов как «кадровых резервуаров» федерального уровня.

Материалы и методы. Применены методы биографического анализа и сетевого моделирования. На основе базы данных «Вся элита РФ» (885 человек, занимавших руководящие посты по состоянию на 01 января 2023 года) реконструированы индивидуальные траектории геомобильности. Для количественной оценки роли регионов рассчитаны метрики центральности: степень центральности, центральность близости и центральность посредничества.

Результаты исследования. Выявлено, что происхождение высших кадров государства неравномерно: большинство карьерных ресурсов генерируется в Московском регионе и Санкт-Петербурге. При этом Москва выполняет двойственную функцию: является стартовой точкой обучения и карьеры, а также крупнейшим центром транзита и циркуляции кадров. Анализ сетевых метрик подтверждает абсолютную доминанцию Москвы, которая монополизировала роль центрального узла и межрегионального посредника, сформировав гиперцентрализованную модель элитогенеза. Определена высокая степень структурной асимметрии, где региональные центры выступают в роли либо транзитных узлов, либо периферийных кадровых доноров.

Заключение. Полученные данные подтверждают структурную асимметрию системы элитообразования в России. Москва функционирует как универсальный коммуникационный узел, формирующий вокруг себя единый мегакластер. Это влияет на устойчивость политической системы и интеграцию политического пространства. Результаты углубляют понимание механизмов элитообразования и роли геомобильности в воспроизводстве властных элит.

© Лавров И. А., Крыштановская О. В., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: политическая элита, элитогенез, геомобильность, карьерные траектории, гиперцентрализация, Россия, социальная мобильность, сетевой анализ, центральность

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лавров И.А., Крыштановская О.В. Элитогенез в России: сетевой анализ географической мобильности. *Регионоведение.* 2026;34(2):374–392. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.374-392>

Elite Genesis in Russia: A Network Analysis of Geographical Mobility

I. A. Lavrov ✉, O. V. Kryshchanovskaya
Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russian Federation)
✉ lavrov.sociology@gmail.com

Abstract

Introduction. Geographic mobility is studied as a channel for elite genesis, i.e., the spatial movement of members of the ruling class between the constituent entities of the Russian Federation. This research is relevant given the social sciences' shift to the “mobility turn” paradigm, where mobility is viewed not as simple movement but as a system-forming principle of social organization. The goal of the study is to quantitatively assess the role of geographic mobility in maintaining the integration of political space and the legitimacy of power through a network analysis of the hierarchical role of regions as “personnel reservoirs” at the federal level.

Materials and Methods. Biographical analysis and network modeling methods were applied. Individual geographic mobility trajectories were reconstructed using the “All Elite of the Russian Federation” database, which contains information on 885 individuals holding leadership positions as of 1 January 2023. To quantitatively assess the role of regions, centrality metrics were calculated: degree centrality, closeness centrality, and betweenness centrality.

Results. It was revealed that the origins of the country's top personnel are uneven: the majority of career resources are generated in the Moscow region and St. Petersburg. Moreover, Moscow serves a dual function: it is both a starting point for training and career advancement and a major hub for the transit and circulation of personnel. An analysis of network metrics confirms Moscow's absolute dominance, monopolizing the role of central hub and interregional intermediary, creating a hyper-centralized model of elite generation. A high degree of structural asymmetry is identified, with regional centers acting as either transit hubs or peripheral sources of personnel.

Conclusion. The findings confirm the structural asymmetry of the elite formation system in Russia. Moscow functions as a universal communications hub, forming a unified mega cluster around itself. This influences the stability of the political system and the integration of political space. The results deepen our understanding of the mechanisms of elite formation and the role of geographic mobility in the reproduction of ruling elites.

Keywords: political elite, elite genesis, geographic mobility, career trajectories, hypercentralization, Russia, social mobility, network analysis, centrality

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Lavrov I.A., Kryshchanovskaya O.V. Elite Genesis in Russia: A Network Analysis of Geographical Mobility. *Russian Journal of Regional Studies.* 2026;34(2):374–392. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.374-392>

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблематики мобильности в социальных науках обусловлена усложнением структуры общества, которая сегодня характеризуется беспрецедентной

динамикой и взаимосвязанностью элементов. Традиционное понимание мобильности как простого физического перемещения (из точки А в точку Б) становится недостаточным. Современная теория расширяет это понятие, включая в него социальные лифты, транзакцию ценностей и коллективные паттерны перемещения¹. Это позволяет рассматривать мобильность не просто как атрибут, а в качестве системообразующего принципа социальной организации. В этой логике мобильность выполняет функцию «социального сита», детерминируя траектории социальной циркуляции и порождая новые страты, в частности «мобилитет»². Таким образом, мобильность сама по себе становится значимым ресурсом и ценностью³. Ответом научного сообщества на эту трансформацию стала концепция «мобильного поворота» (*mobility turn*), где мобильность является не объектом, а основной оптикой для анализа социального мира⁴.

Проблема социальной мобильности, в особенности ее вертикального измерения, которое связано с циркуляцией индивидов между высшими и низшими стратами, относится к числу классических тем в социологии. Центральное место в исследовательской традиции занимает теория В. Парето, рассматривавшего обозначенные процессы в роли фундаментального механизма поддержания социального равновесия и стабильности. Согласно его концепции, элита сохраняет власть и жизнеспособность благодаря двустороннему движению: инкорпорации наиболее способных представителей низших классов, что привносит в правящую группу новую энергию, и одновременной элиминации ее членов, утративших компетенции или доверие. Автор постулирует, что прекращение этой циркуляции ведет к вырождению элиты и, как следствие, системному кризису всего общества⁵.

Настоящее исследование сфокусировано на анализе специфического канала элитогенеза – геомобильности, под которой понимаются пространственные перемещения, сопровождающие траекторию карьеры представителей правящего класса между субъектами Российской Федерации. В контексте формирования элит такие перемещения отражают не просто административную передислокацию, а сложный социально-политический процесс. Анализ географии мобильных потоков и их интенсивности служит инструментом для реконструкции двух важных аспектов политической системы: иерархической роли регионов как «кадровых резервуаров» федерального уровня, а также специфики и равномерности региональных каналов вертикальной мобильности. Таким образом, исследование геомобильности позволяет оценить, насколько сбалансированная циркуляция элит между центром и регионами способствует поддержанию интеграции политического пространства и легитимности власти.

Цель исследования – выявить пространственную конфигурацию воспроизводства российской политической элиты, проанализировав влияние географических перемещений представителей элиты на формирование отношений между федеральным

¹ Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia: LVS; 2005. 588 с. <https://elibrary.ru/qoegut>

² Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. N.J.: Wiley; 1997. 256 p.

³ Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер; 2008. 240 с. <https://elibrary.ru/qaobej>

⁴ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. Пер. с нем. К. Левинсон. М.: Strelka Press; 2018. 112 с.; Гоффман И. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. Пер. с англ. А. Корбута. М.: Элементарные формы; 2017. 382 с.; Урри Д. Мобильности. Пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Практик; 2012. 576 с.

⁵ Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: ГУ ВШЭ; 2007. 511 с.

центром и регионами в процессе элитогенеза, а также определив место субъектов РФ в единой сети кадровой циркуляции.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что геомобильность российского истеблишмента имеет выражено асимметричный и гиперцентрализованный характер: Москва выполняет функции главного узла рекрутирования, перераспределения и институциональной легитимации кадров; большинство регионов включены в эту систему преимущественно в роли периферийных доноров или ограниченных по своему влиянию промежуточных хабов.

В настоящем исследовании предполагается, проанализировав всю совокупность географических перемещений элитариев, осмыслить систему формирования российского истеблишмента с точки зрения места и роли субъектов РФ в элитогенезе, оценить циркуляцию элит между регионами и центром, развитость и «пропускную способность» существующих каналов мобильности.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Для исследования геомобильности предлагается воспользоваться методом сетевого анализа (*Social Network Analysis, SNA*). Это позволит выявить и структурировать закономерности пространственных перемещений представителей политической элиты, обосновать их системный характер и оценить роль различных регионов в российском элитогенезе.

Методология и методические подходы к применению сетевого анализа в исследовании политических систем начали складываться за рубежом еще в конце XX века. В основном внимание было направлено на моделирование взаимодействия между акторами для анализа и прогнозирования политических процессов [1; 2].

В российской науке исследования методом сетевого анализа в политической сфере также активно развиваются, складывается набор подходов к изучению сетей политических акторов с учетом национальной специфики.

Однако, несмотря на растущий интерес, преобладают теоретические работы, эмпирических исследований по-прежнему недостаточно [3, с. 64], что создает дисбаланс между теоретической концептуализацией и практической архитектурой политического пространства.

Наибольшее развитие у отечественных авторов в контексте сетевого подхода нашло изучение неформальных связей между представителями российского истеблишмента, формирующих особые модели взаимодействия и механизмы принятия политических решений.

Так, группой исследователей проанализированы родственные связи, общие бизнес-интересы, участие в негосударственных организациях и хобби наиболее влиятельных представителей политического класса. Ученые пришли к выводу, что неформальная элитная сеть обладает высокой плотностью и связностью, обоснованными повторяющимся и комплексным характером отношений между акторами [4, с. 86].

Внимание уделяется исследованию патрональных сетей, особенно в регионах. В частности, проанализирована сетевая конфигурация региональных элит в Свердловской области [5], Челябинской области и Пермском крае [6], а также

в новых исторических регионах РФ [7]. Отмечается тенденция к росту сложности патрональных сетей. Она обусловлена активным участием федеральных акторов в процессе рекрутирования региональных руководителей, что приводит к формированию нового формата внутриэлитных связей [8].

В то же время на федеральном уровне рекрутирование политико-административной элиты усложняется за счет фактора землячества [9]. Развиваются исследования неформальных коалиций в legislatures и их влияния на разработку и принятие законотворческих решений [10].

Что касается вопросов мобильности российского истеблишмента, то наиболее разработанной научно является тематика карьерных перемещений представителей элиты разного уровня. Авторы подробно исследуют особенности воспроизводства карьерных характеристик, выявляя социально-профессиональные источники рекрутирования как для федеральной [11], так и для региональной российской элиты [12; 13].

Проблематика географических перемещений российского истеблишмента рассматривается с разных точек зрения. Изучаются вопросы эндогенности, соотношения «местных» и «варягов» в региональной элите.

В частности, А. В. Дука отмечает усиление укорененности «местной» элиты в большинстве регионов, что выражается в росте или стабилизации показателей совпадения предыдущей работы, мест рождения и «элитного служения» [14, с. 89–90]. При этом, по результатам исследования первых лиц регионов, наблюдается рост зависимости субъектов РФ от федерального центра, что проявляется в увеличении числа «варягов», приходящих из федеральных органов власти [15, с. 37].

Подобные выводы, до некоторой степени противоречивые, могут объясняться слабо развитыми межрегиональными каналами мобильности, в условиях которых рекрутинг элиты происходит или из «местных», или из федерального центра, с исключением из системы кадровых бассейнов других субъектов РФ.

Кроме того, к вопросам географии в контексте российского истеблишмента ученые обращаются для осмысления влияния социализации на разработку и принятие политических решений. Например, И. С. Палитай анализирует соотношение выходцев из города и села в федеральной элите РФ, отмечая разницу в способах мышления и восприятии действительности. «Городские» чаще демонстрируют свободолобивые установки и широкий кругозор, отличаются выраженным индивидуализмом и более слабой реактивностью на социальные стимулы [16, с. 113].

Анализ существующей литературы показывает, что, несмотря на заметное развитие исследований политических элит, карьерного рекрутирования и сетевых взаимодействий в российском истеблишменте, географическое измерение элитогенеза до настоящего времени остается изученным фрагментарно. Имеющиеся работы, как правило, сосредоточены либо на неформальных связях и патрональных сетях, либо на отдельных аспектах карьерной мобильности и не реконструируют целостную межрегиональную архитектуру перемещений представителей правящего класса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирические данные. Материалом исследования послужили данные многолетнего мониторинга биографий 885 человек, занимавших руководящие посты

в ключевых органах государственной власти Российской Федерации по состоянию на 01 января 2023 года.

Совокупность объектов исследования (сплошное обследование) составили следующие группы представителей политической элиты:

- 1) руководящий состав Администрации Президента РФ (37 чел.);
- 2) члены Правительства РФ, включая руководителей федеральных агентств, служб и надзоров (79 чел.);
- 3) депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ 8-го созыва (449 чел.);
- 4) члены Совета Федерации Федерального Собрания РФ (170 чел.);
- 5) высшие должностные лица субъектов РФ (губернаторы) (85 чел.);
- 6) руководство аппаратов ключевых государственных органов (Правительства, Госдумы, Совета Федерации, Совета Безопасности) (44 чел.);
- 7) руководство Конституционного и Верховного судов РФ (18 чел.);
- 8) генеральный прокурор РФ, председатель Следственного комитета РФ и председатель Центрального банка РФ.

Подобный подход позволил реконструировать типичные паттерны и основные лифты восходящей мобильности, выявляя, через какие институциональные фильтры и этапы проходят будущие представители политического истеблишмента.

Источники данных. Основными источниками для сбора биографических данных послужили официальный интернет-портал государственных органов «Официальная Россия»⁶, а также открытые ресурсы министерств, ведомств и политических партий. Все полученные сведения были систематизированы и внесены в специально разработанную базу данных «Вся элита РФ»⁷, что позволило провести структурированный сравнительный анализ.

Методология исследования. В работе применены два взаимодополняющих метода. Основным выступил биографический анализ, сфокусированный на ретроспективном изучении карьерных траекторий лиц, достигших высших эшелонов власти. Метод позволил реконструировать типичные паттерны восходящей мобильности; выявить основные лифты социальной мобильности; определить институциональные фильтры и этапы, через которые проходят будущие представители политического истеблишмента.

Для анализа структуры и направлений геомобильности российской политической элиты применялся метод сетевого анализа. Его имплементация потребовала предварительно воссоздать индивидуальные траектории географических перемещений для каждого представителя исследуемой совокупности.

Центральным объектом анализа выступила последовательность субъектов РФ, в которых индивид проживал, получал образование или осуществлял профессиональную деятельность, с фиксацией их хронологического порядка. Формально такая последовательность репрезентируется как направленный граф: $A \rightarrow B \rightarrow C \dots \rightarrow Z$, где A – место рождения, Z – финальная позиция в карьерной траектории, B, C, \dots – промежуточные узлы, соответствующие регионам мобильности.

⁶ Официальная Россия : сервер органов государственной власти Российской Федерации. URL: <http://www.gov.ru/> (дата обращения: 08.09.2025).

⁷ Доступна у авторов по запросу.

В рамках модели пространство российской элитной мобильности интерпретируется как сеть, в которой регионы служат узлами (вершинами), подтвержденные перемещения из региона в регион – направленными связями (ребрами).

Для каждого субъекта РФ были рассчитаны различные виды центральностей, позволившие объективировать его позицию в сетевой структуре.

Степень центральности (*degree centrality*) в контексте направленного графа дифференцировалась на входящую (*in degree*) (количество ребер, входящих в узел, что соответствует числу переездов в регион с целью учебы или работы) и исходящую (*out degree*) (количество ребер, исходящих из узла, что интерпретируется как число выездов из региона).

Суммарное значение степени центральности (*in degree + out degree*) является главным индикатором, количественно характеризующим интенсивность «социального трафика», или транзитной активности, проходящей через данный регион в процессе воспроизводства правящего класса. Данный показатель позволяет идентифицировать не просто географические точки, а узлы-хабы, играющие критическую роль в циркуляции элитных кадров.

Центральность близости (*closeness centrality*) – нормативный параметр, измеряющий интегральную доступность узла для всех прочих элементов сети. Оценивает стратегическое положение вершины в графе, определяемое средней длиной кратчайших путей до всех других узлов.

Показатель варьируется в диапазоне от нуля до единицы:

– значение, приближающееся к единице, указывает на вершину, имеющую прямые связи практически со всеми остальными, т. е. занимающую глобально центральную позицию;

– значение, приближающееся к нулю, характеризует изолированный узел, путь до которого от других элементов сети затруднен или невозможен.

Промежуточные значения свидетельствуют о том, что связь с другими узлами осуществляется через вершины-посредники и что влияние реализуется не прямо, а опосредовано.

Метрика центральности близости служит индикатором структурной интеграции региона в общефедеральную систему элитнообразования, отражая его потенциал для установления прямых кадровых обменов с максимально широким кругом субъектов. В отличие от степени центральности, фиксирующей фактический объем транзитных потоков, данный показатель раскрывает стратегическую позицию региона в сети, его способность функционировать в качестве хаба, который минимизирует транзитные издержки при перемещении элитных кадров.

Центральность посредничества (*betweenness centrality*) – нормированный показатель, количественно определяющий степень контроля узла над потоками в сети. Вычисляется как доля кратчайших путей между всеми парами вершин в графе, которые проходят через данный узел. Идентифицирует не просто активные или доступные узлы, а стратегических «привратников», чье положение позволяет опосредовать и потенциально контролировать взаимодействие других элементов системы.

Величина показателя варьируется от нуля до единицы:

а) значение, приближающееся к единице, означает, что узел является критически важным посредником практически для всех коммуникаций в сети;

б) значение, равное нулю, указывает на полное отсутствие у вершины посреднической функции.

Чтобы сосредоточить анализ на внутренних траекториях движения элит в пределах страны, из рассмотрения были исключены транснациональные потоки. Это позволило сфокусироваться на роли именно российских регионов как элементов единой системы элитообразования.

Этапы исследования. Исследование осуществлялось в несколько последовательных этапов. На первом был сформирован корпус эмпирических данных: собраны, проверены и унифицированы биографические сведения о представителях российской политической элиты.

На втором этапе на основе собранных биографий проводилась реконструкция индивидуальных траекторий географической мобильности. Полученные последовательности позволили выделить направленные переходы между регионами и тем самым подготовить данные для сетевого моделирования.

На третьем этапе строилась агрегированная сеть геомобильности российской политической элиты, в которой узлами выступили субъекты Российской Федерации, а связями – зафиксированные межрегиональные перемещения. Для данной сети были рассчитаны показатели центральности, что позволило определить сравнительную роль регионов в процессах рекрутирования, транзита и перераспределения элитных кадров.

На четвертом этапе проводилась содержательная интерпретация полученных результатов. Сопоставление рассчитанных сетевых показателей дало возможность выявить пространственную конфигурацию элитогенеза в современной России, определить уровень его централизации и установить позиции регионов (доминирующую, промежуточную или периферийную) в системе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Территориальное происхождение российской политической элиты. Структурное неравенство, определяющее траектории мобильности элит, проявляется уже на этапе первичной социализации в месте рождения, что эмпирически подтверждает статистика территориального происхождения элиты. Абсолютное лидерство Москвы (11,5 %), показатель которой в 2,5 раза превышает данные по Санкт-Петербургу (4,0), в совокупности с вкладом Московской области (3,3 %) свидетельствует о выраженной централизации системы элитообразования в столичной агломерации (табл. 1).

Анализ данных таблицы 1 указывает на наличие значительного веса «столичного ценза» уже на этапе рождения: каждый 7-й представитель правящего класса (14,8 %) является выходцем из Московской агломерации. Другими словами, несмотря на широкую географию периферийного происхождения большинства элитариев (66,4 %), именно столичный регион обладает мощным механизмом воспроизводства элиты «по праву рождения», создавая стартовые преимущества для локальных уроженцев.

Таблица 1. Рейтинг регионов – поставщиков кадров в российскую элиту по происхождению элитариев

Table 1. Ranking of regions supplying personnel to the Russian elite by origin of the elite

Регион происхождения / Region of origin	Кол-во, чел. / Number, people	Доля, % / Share, %
Москва и Московская область / Moscow and Moscow Region	131	14,8
Санкт-Петербург и Ленинградская область / St. Petersburg and Leningrad Region	42	4,7
Свердловская область / Sverdlovsk Region	27	3,0
Ростовская область / Rostov Region	24	2,7
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	23	2,6
Краснодарский край / Krasnodar Territory	19	2,1
Челябинская область / Chelyabinsk Region	17	1,9
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	16	1,8
Другие регионы / Other regions	586	66,4
Всего / Total	885	100,0

Примечание: в таблице приведены данные только по регионам с наибольшим значением показателя (другие регионы упоминались менее 16 раз).

Note: the table shows data only for regions with the highest indicator values.

Источник: здесь и далее таблицы и рисунок подготовлены авторами на основе базы многолетнего мониторинга «Вся элита РФ».

Source: hereinafter in the article the drawings were prepared by the authors based on the long-term monitoring database “The Entire Elite of the Russian Federation”.

Однако подлинный масштаб монополизации Москвой каналов элитогенеза раскрывается на следующем этапе карьеры – при получении высшего образования. Здесь концентрация будущих управленцев возрастает кратно: 29,3 % элитариев получили первый диплом в московских вузах. Этот дисбаланс позволяет утверждать, что доминирование столицы обусловлено не только размещением в ней институтов федеральной власти, но и ее ролью как уникального образовательного и кадрового плацдарма, формирующего необходимые компетенции и социальные связи для последующей карьерной траектории.

Анализ метрик центральности в сетевой модели геомобильности демонстрирует еще более впечатляющую картину. Суммарный транзитный поток через столичный узел более чем в шесть раз превышает показатель Санкт-Петербурга, занимающего вторую позицию (табл. 2).

Данные таблицы выявляют уникальную двухвекторную роль Москвы в процессах элитогенеза. С одной стороны, город функционирует как «центр аттракции» (1 188 въездов), аккумулируя наиболее ресурсные кадры из провинции и предоставляя им доступ к главным институтам принятия решений. С другой, – является крупнейшим «центром экспансии»: число выездов (502) также кратно превышает показатели остальных регионов. Это позволяет квалифицировать столичный узел не только как конечный пункт восходящей мобильности, но и как основной дистрибьютор управленческого капитала, обеспечивающий циркуляцию кадров между регионами.

Москва выступает в качестве универсального кадрового хаба, который одновременно поглощает региональные элиты для их ротации на федеральном уровне и делегирует собственных агентов в субъекты РФ для обеспечения управленческой связности политического пространства. Такая двойная функция усиливает ее стратегическое значение в национальной системе управления.

Таблица 2. Рейтинг регионов – поставщиков кадров в российскую элиту по степени центральности

Table 2. Ranking of regions supplying personnel to the Russian elite by degree of centrality

Субъект РФ / Subject of the Russian Federation	Кол-во выездов / Number of exits	Кол-во въездов / Number of entries	Суммарный вес / Sum degree
Москва / Moscow	502	1 188	1 690
Санкт-Петербург / St. Petersburg	157	124	281
Московская область / Moscow Region	91	63	154
Краснодарский край / Krasnodar Territory	63	45	108
Свердловская область / Sverdlovsk Region	63	38	101
Ростовская область / Rostov Region	55	33	88

Показатель центральности близости математически фиксирует дистанцию между субъектами в сетевом пространстве (табл. 3). Высокий коэффициент Москвы (0,849) на фоне усредненных значений остальных лидеров (0,51–0,56) говорит о том, что столичный узел является «коротким плечом» для любого регионального игрока. В контексте социального анализа это означает отсутствие промежуточных ступеней в карьере: для эффективного вхождения в элиту региональному деятелю не требуется последовательное освоение межрегиональных площадок, поскольку коммуникация и карьерный прыжок осуществляются сразу в столичный центр, где сосредоточены основные ресурсы и возможности.

Таблица 3. Рейтинг регионов – поставщиков кадров в российскую элиту по центральности близости

Table 3. Ranking of regions supplying personnel to the Russian elite by centrality of proximity

Субъект РФ / Subject of the Russian Federation	Центральность близости / Centrality of proximity
Москва / Moscow	0,849
Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,557
Ростовская область / Rostov Region	0,516
Свердловская область / Sverdlovsk Region	0,512
Московская область / Moscow Region	0,510
Новосибирская область / Novosibirsk Region	0,509

Результаты анализа показателей центральности посредничества показывают роль Москвы в системе геомобильности элит (табл. 4). Материал демонстрирует практически полную монополию столицы на посредническую функцию в элитогенезе

(0,767). В то время как значения Санкт-Петербурга и других крупных субъектов стремятся к статистической погрешности, Москва оказывается единственным мостом, соединяющим различные сегменты политической системы. Иначе говоря, в России фактически не существует автономных горизонтальных маршрутов перемещения элит, которые бы не модерировались столичным узлом – это создает единую централизованную систему кадровой циркуляции.

Таблица 4. Рейтинг регионов – поставщиков кадров в российскую элиту по центральности посредничества

Table 4. Ranking of regions supplying personnel to the Russian elite by the centrality of intermediation

Субъект РФ / Subject of the Russian Federation	Центральность посредничества / Centrality of intermediation
Москва / Moscow	0,767
Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,069
Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,019
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,016
Ростовская область / Rostov Region	0,015
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	0,015

Визуализация сетевой модели геомобильности, представленная в виде графа, позволяет верифицировать топологические свойства системы российского элитогенеза (рисунок).

Граф иллюстрирует ярко выраженную центрическую (радиальную) архитектуру, характерную для систем с высокой степенью иерархичности и низкой автономностью периферийных звеньев.

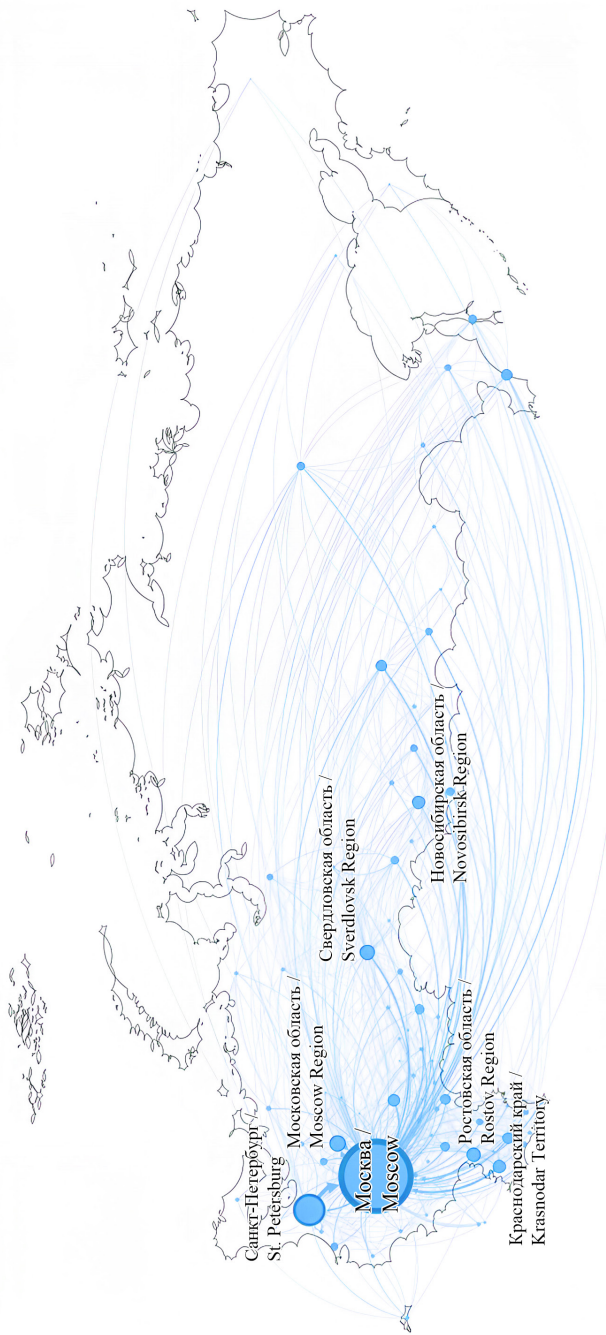
Анализ топологии его связей позволяет выделить следующие академически значимые закономерности:

1) моноцентризм и сверхцентрализацию. Плотность связей в центральном ядре (Москва) подтверждает его статус безальтернативного аттрактора. Масштабирование ключевого узла указывает на то, что столичная площадка является не только географическим центром, но и обязательным институциональным фильтром, через который верифицируется статус любого представителя элиты. Это создает единую точку контроля над кадровыми потоками;

2) атрофия горизонтальных взаимодействий. Граф фиксирует критический дефицит ребер (связей) между периферийными узлами. Это подтверждает отсутствие прямых горизонтальных каналов кадровой циркуляции между субъектами РФ в обход центра. Межрегиональная мобильность элит носит не сетевой, а транзитно-столичный характер, что ограничивает развитие региональных центров влияния;

3) иерархическая фильтрация. Направленность и концентрация векторов подчеркивают существование жесткой вертикальной зависимости. Региональный управленческий опыт приобретает значение исключительно в результате интеграции в центральный узел, что закрепляет иерархию в системе элитообразования.

Таким образом, граф транслирует модель «контролируемой мобильности», где Москва выступает монопольным оператором по перераспределению политического капитала в масштабах всей страны, определяя траектории карьерного роста и обеспечивая единство управленческого пространства.

Р и с у н о к. Географическая мобильность представителей
российской политической элиты ($n = 885$ чел.)⁸
F i g u r e. Geographic mobility of representatives
of the Russian political elite ($n = 885$ people)

⁸ Для построения графа использовалось открытое программное обеспечение Gephi.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ структуры геомобильности российского истеблишмента выявил уникальный с точки зрения сетевой топологии результат: вся страна формирует единый мегакластер, центрированный вокруг Москвы. Другими словами, речь идет не о доминировании столицы, а о ее роли универсального и обязательного элемента в любой успешной карьерной траектории. С математической точки зрения сила притяжения Москвы велика настолько, что нивелирует возможность формирования самостоятельных периферийных кластеров, делая все регионы структурно однородными по отношению к центральному узлу.

Таким образом, Москва функционирует как мощный центр притяжения, вынуждающий амбициозных выходцев из регионов совершать географическое перемещение для конвертации накопленного социального капитала в карьерные достижения. В этом контексте геомобильность предстает не добровольным выбором, а практически императивом успешного вхождения в политическую элиту.

Важным является двукратное превышение объема транзитных потоков Москвы над количеством представителей истеблишмента в целом. Это несоответствие указывает на два взаимодополняющих механизма элитообразования, выходящих за рамки простой миграции в столицу.

Во-первых, идентифицируется модель «челночной мобильности» – стратегической траектории, при которой индивид целенаправленно перемещается в Москву для получения образования, затем возвращается в регион для накопления практического опыта и управленческого капитала и лишь после этого реинтегрируется в федеральные властные структуры. Данная траектория предполагает не односторонний отток, а циклическое движение между центром и периферией.

Во-вторых, статистика подтверждает значимую роль Москвы как «кадрового донора» для регионов через институт федеральных «назначенцев». Речь идет о кадрах, уже прошедших социализацию в федеральных органах власти или специализированных столичных учебных центрах, которые затем направляются на руководящие посты в субъекты РФ. Это позволяет сделать вывод о феномене сверхцентрализации, который стал значимой приметой времени.

Столица в системе элитогенеза выполняет двойную функцию: выступает конечной целью карьерных траекторий и мощным трансферным хабом, перераспределяющим управленческие кадры по всей стране. Это объясняет исключительное значение коэффициента центральности в сетевой модели элитогенеза.

Проведенный сетевой анализ позволил также дифференцировать функции российских регионов в системе элитообразования, выходя за рамки дихотомии «Москва – остальная Россия». Так, Санкт-Петербург, сохраняя статус второй столицы, подтверждает свою роль значимого, но вторичного образовательно-карьерного хаба. При этом его относительное влияние демонстрирует тенденцию к снижению. Московская область, напротив, укрепляет позиции в качестве «предэлитной» буферной зоны, чье стратегическое положение в столичной агломерации делает ее плацдармом для последующей инкорпорации в федеральную элиту.

Значимым трендом выступает консолидация двух новых центров кадрового притяжения в Южном федеральном округе. Ростовская область и Краснодарский край не только демонстрируют высокие суммарные показатели по степени центральности,

но и выполняют функцию межрегиональных хабов. Ростовская область, занимая 5-е место по доле «земляков» в элитной группе, аккумулирует потоки мобильности не только из Южного федерального округа, но и из сопредельных субъектов Северо-Кавказского федерального округа, южных территорий Центрального и Приволжского федеральных округов (Белгородской, Курской, Пензенской областей). Аналогичную роль играет Краснодарский край, выступая реципиентом для выходцев из Республик Адыгея и Чечня, а также Волгоградской области.

Данная модель региональной централизации воспроизводится и в других федеральных округах: Свердловская область – хаб Уральского; Новосибирская – Сибирского; Нижегородская область – Приволжского федерального округа.

Напротив, Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа, регионы которых отсутствуют среди лидеров по суммарной степени центральности, выполняют функцию донора. Их периферийный статус в системе элитогенеза проявляется в экспорте кадрового потенциала без формирования внутренних центров притяжения, что указывает на асимметрию в территориальной организации циркуляции элит.

Зафиксировано региональное неравенство, связанное с тем, что одни субъекты Федерации заняли место важных территориальных хабов, нахождение в которых увеличивает шансы на успешную карьеру на госслужбе, в то время как другие остались глубокой периферией, место в которой скромно, а возможность построить успешную карьеру – скорее исключение, чем правило. Например, Ростовская область (3-е место по показателю центральности близости) демонстрирует качества макрорегионального интегратора, обладая широким разнообразием прямых связей. При этом Краснодарский край (11-е место), несмотря на высокую интенсивность трафика, имеет ограниченный радиус прямого взаимодействия, фокусируясь в основном на связях с соседними регионами (Республикой Адыгея, Волгоградской областью). Эта диспропорция указывает на различную природу влияния: если Ростовская область выполняет роль трансферного узла межрегионального значения, то Краснодарский край – скорее «локального магнита».

Позиции Свердловской и Новосибирской областей по этой метрике высоки, что подтверждает их статус стратегического центра, обеспечивающего прямую интеграцию в общефедеральные потоки мобильности для элит из Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Полученные результаты являются эмпирическим свидетельством сверхцентрализованной модели элитообразования, в которой Москва обладает исключительной монополией как на интеграцию региональных элит в общефедеральное пространство, так и на наполнение региональных структур людьми, прошедшими профессионализацию в Москве. Такая структура сети, где один узел концентрирует всю посредническую функцию, указывает на крайне высокий уровень структурной асимметрии и зависимость периферийных траекторий мобильности от решений, принимаемых в едином центре.

Москва функционирует как системообразующее солнце планетарной системы, в то время как все прочие регионы, независимо от их собственного веса и статуса, оказываются на периферии этой конструкции, будучи связаны прежде всего с центром, а не друг с другом (см. рисунок). Таким образом, «московский кластер» – это

отражение фундаментального принципа организации политического пространства России, где столица выступает единственным шлюзом для вертикальной мобильности и интеграции в федеральную элиту.

Ограничение исследования связано с тем обстоятельством, что его эмпирическая база отражает состав элиты на 01 января 2023 года и не учитывает кадровые изменения, обусловленные расширением субъектного состава Российской Федерации после 2022 года. Сеть воспроизводит статический срез, исключены транснациональные траектории, что может занижать роль зарубежных образовательных/карьерных узлов. Однако это не влияет на представленную институциональную модель геомобильности, поскольку основные каналы и механизмы пространственного перемещения элит остаются стабильными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методологически полученные результаты подтверждают высокую информативность сетевого подхода к изучению элитарных траекторий: метрики степени, близости и посредничества позволили количественно охарактеризовать роль каждого региона в системе элитогенеза.

Исследование представляет собой попытку пролить свет на одну из значимых особенностей российской политической системы – ее гиперцентрализацию через призму географической мобильности правящего класса. Анализ биографий 885 высокопоставленных чиновников и политиков, подкрепленный сетевым анализом, подтверждает рабочую гипотезу. Москва по совокупности всех показателей выступает не столько крупнейшим хабом притяжения, сколько безальтернативным «шлюзом» вертикальной мобильности.

Уже при рождении и получении высшего образования представители элиты оказываются вовлеченными в московские траектории. Дальнейший анализ степени, близости и посреднической центральности неизменно ставит Москву на первое место – ее суммарный транзитный поток более чем в шесть раз превосходит аналогичный показатель Санкт-Петербурга, а в роли посредника она монопольно контролирует большинство кадровых перемещений между регионами.

Вместе с тем Россия не сводится к дихотомии «Москва – остальной мир». Санкт-Петербург сохраняет статус вторичного образовательного и кадрового центра, однако его относительное влияние постепенно снижается. В столичном макрорегионе Московская область выступает в роли «предэлитного буфера», аккумулировав значительную часть транзитных перемещений до окончательной инкорпорации специалистов в федеральные структуры.

На юге страны в последние годы консолидируются два новых межрегиональных аттрактора: Краснодарский край и Ростовская область. Они выступают важными интеграторами движения кадров из субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Свердловская и Новосибирская области являются регионами-хабами для мобильности элит из Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Географическая периферия – Дальневосточный и Северо-Кавказский округа – в структуре элитогенеза остается донорской зоной. Она поставляет кадры для центров, но не формирует собственных узлов притяжения, что свидетельствует об ограниченном доступе местных управленцев к прямым федеральным каналам продвижения.

С практической точки зрения описанная сверхцентрализация одновременно повышает эффективность отбора кадров и усиливает зависимость региональных элит от федерального центра. Механизм федерального «назначения» столичных выпускников укрепляет лояльность регионов, но рискует породить дефицит местных управленческих компетенций и снизить их автономность. Кроме того, обязательный «московский» этап карьеры создает высокие барьеры входа и превращает мобильность в фактор неравенства: жители периферии вынуждены мобилизовать значительные ресурсы времени, денег и социальных связей, чтобы включиться в элитные сети. В долгосрочной перспективе подобная модель может подрывать легитимность власти и усиливать центробежные настроения в отдаленных регионах.

Таким образом, геомобильность в современной России выступает ведущим политическим ресурсом, определяющим воспроизводство правящего класса. Любые усилия регионального развития и кадровой политики должны сознательно учитывать доминирование московских траекторий и одновременно работать над созданием альтернативных – локальных или межрегиональных – социальных лифтов. Только в этом случае можно будет смягчить эффект сверхцентрализации, расширить доступ к власти выходцам из периферии и повысить устойчивость политической системы в целом.

Представленные результаты обладают мультидисциплинарным потенциалом и могут быть востребованы широким кругом субъектов научно-исследовательской и управленческой деятельности:

– для академического сообщества работа вносит вклад в развитие сетевого анализа социальных структур и уточняет теоретические модели циркуляции элит в условиях сверхцентрализованных политических систем;

– органам государственной власти и кадровым службам федерального уровня эмпирические данные о «кадровых резервуарах» и транзитных хабах позволят оптимизировать механизмы формирования кадрового резерва, а также выявить дефицитные зоны в системе межрегиональной ротации управленцев;

– субъектам регионального управления анализ структурных ограничений горизонтальной мобильности дает основание для разработки стратегий повышения аттрактивности региональных площадок и формирования локальных центров притяжения талантов, способных конкурировать со столичным узлом;

– экспертным группам и аналитическим центрам верифицированные паттерны геомобильности послужат инструментом прогнозирования долгосрочной устойчивости политической системы, а также оценки рисков, связанных с институциональным разрывом между федеральным центром принятия решений и региональной управленческой периферией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Börzel T.A. Organizing Babylon – on the Different Conceptions of Policy Networks. *Public Administration*. 1998;76(2):253–273. <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00100>
2. Thatcher M. The Development of Policy Network Analyses: From Modest Origins to Overarching Frameworks. *Journal of Theoretical Politics*. 1998;10(4):389–416. <https://doi.org/10.1177/0951692898010004002>

3. Шерстобитов А.С., Осипов А.В., Зарипов Н.А. Проблемы и перспективы сетевого подхода к анализу политики: развитие теории и методов или тщетные поиски «золотого тельца»? *Политическая наука*. 2021;(4):60–91. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.03>
4. Иванов Е.А., Мельников К.В., Петров Н.В.⁹ Неформальная структура элитного пространства России (Опыт сетевого анализа). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2022;(1):72–91. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-72-91>
5. Мельников К.В. Клиентелизм и неформальные сети региональных элит в России: опыт сетевого анализа на примере Свердловской области. *Полис. Политические исследования*. 2021;(6):171–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>
6. Мельников К.В. Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России: опыт сравнительного сетевого анализа. *Политическая наука*. 2021;(4):210–238. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.09>
7. Федосейкин Д.И. Особенности сетевой конфигурации региональной политической элиты в процессе интеграции новых субъектов Российской Федерации (на примере ДНР и Херсонской области). *Политическая наука*. 2025;(3):299–320. <https://doi.org/10.31249/poln/2025.03.13>
8. Гайворонский Ю.О., Баландин Ю.А. Рекрутирование губернаторского корпуса в современной России: эволюция патрональных сетей (2017–2021 гг.). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2022;(4):146–167. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-146-167>
9. Шерстобитов А.С., Бегарь Е.В., Горохов Н.М., Дмитриева В.Д., Дыбкина А.Н., Еремин Д.Н. и др. Роль землячества в рекрутировании политико-административных элит: эвристический потенциал сетевого анализа для исследования элит в России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2020;7(2):99–108. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-2-99-108>
10. Помигуев И.А., Фомин И.В., Мальцев А.М. Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности. *Политическая наука*. 2021;(4):31–59. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>
11. Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: особенности воспроизводства карьерных характеристик. *Социологическая наука и социальная практика*. 2025;13(2):67–89. <https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.4>
12. Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер. *Власть и элиты*. 2022;9(2):122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>
13. Тев Д.Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера. *Власть и элиты*. 2022;9(2):146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>
14. Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит. *Власть и элиты*. 2021;8(1):66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>
15. Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019 гг. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020;14(1):29–39. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>
16. Палитай И.С. Современная российская политическая элита: статусно-ролевой анализ поколений. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2020;(5):105–116. <https://elibrary.ru/duqlgu>

REFERENCES

1. Borzel T.A. Organizing Babylon – on the Different Conceptions of Policy Networks. *Public Administration*. 1998;76(2):253–273. <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00100>
2. Thatcher M. The Development of Policy Network Analyses: From Modest Origins to Overarching Frameworks. *Journal of Theoretical Politics*. 1998;10(4):389–416. <https://doi.org/10.1177/0951692898010004002>
3. Sherstobitov A.S., Osipov A.V., Zaripov N.A. The Issues and Outlook of the Network Approach to Policy Analysis: Development of the Theory and Methods or the Frustrated Search

⁹ Признан иностранным агентом (включен в Реестр иностранных агентов Минюстом России 03.06.2022).

- for the “Golden Calf”? *Political Science*. 2021;(4):60–91. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.03>
4. Ivanov Ye.A., Melnikov K.V., Petrov N.V. Informal Structure of the Elite Space in Russia. Evidence from Network Analysis. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2022;(1):72–91. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-72-91>
 5. Melnikov K.V. Clientelism and Informal Networks of Regional Elites in Russia: Network Analysis of the Case of Sverdlovsk Oblast. *Polis. Political Studies*. 2021;(6):171–188. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>
 6. Melnikov K.V. Bureaucratic Patronage and Patterns of Administrative Recruitment of Regional Elites in Russia: Comparative Network Analysis. *Political Science*. 2021;(4):210–238. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.09>
 7. Fedoseikin D.I. Network Configuration of the Political Elite in the Integration of Russia’s New Regions: The Cases of Donetsk People’s Republic and Kherson Oblast. *Political Science*. 2025;(3):299–320. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2025.03.13>
 8. Gaivoronsky Yu.O., Balandin Yu.A. Recruitment of the Governor’s Corps in Contemporary Russia: Evolution of Patronal Networks (2017–2021). *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2022;(4):146–167. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-146-167>
 9. Sherstobitov A.S., Begar E.V., Gorohov N.M., Dmitrieva V.D., Dybkina A.N., Eremin D.N., et al. The Role of Regional Compatriotship in Recruitment of Administrative Elites: The Potential of Network Analysis for Study of Elites in Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020;7(2):99–108. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-2-99-108>
 10. Pomiguyev I.A., Fomin I.V., Maltsev A.M. Network Approach in Legislative Studies: Methodological Prospects for Qualitative and Quantitative Analysis of Parliamentary Activity. *Political Science*. 2021;(4):31–59. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>
 11. Tev D.B. Federal Administrative Elite of Russia: Features of Reproduction of Career Characteristics. *Sociological Science and Social Practice*. 2025;13(2):67–89. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.4>
 12. Bystrova A.S. Regional Officials and Politicians of the Russian Federation: A Comparative Analysis of Careers. *Power and Elites*. 2022;9(2):122–145. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>
 13. Tev D.B. Regional Administrative Elite: Socio-Professional Sources of Recruitment and Careers. *Power and Elites*. 2022;9(2):146–171. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>
 14. Duka A.V. Mobility and Endogeneity of Regional Political and Administrative Elites. *Power and Elites*. 2021;8(1):66–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>
 15. Flyagin A.M. How the Portrait of the Russian Governors Has Changed: Analyzing Biographies of the Heads of Russian Regions. 1991–2019. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2020;14(1):29–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>
 16. Palitay I.S. Modern Russian Political Elite: Status-Role Analysis of Generations. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2020;(5):105–116. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/duqlgu>

Об авторах:

Лавров Иван Андреевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета (25047, Российская Федерация, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3567-4502>, ResearcherID: ACU-0617-2022, ScopusID: 57554381900, SPIN-код: 7078-1189, lavrov.sociology@gmail.com

Крыштановская Ольга Викторовна, доктор социологических наук, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета (25047, Российская Федерация, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-0940>, ResearcherID: GLQ-7604-2022, ScopusID: 7801579339, SPIN-код: 5881-9789, olgakryshyt@yandex.ru

Вклад авторов:

И. А. Лавров – проведение исследования; написание черновика рукописи.

О. В. Крыштановская – административное руководство исследовательским проектом; редактирование рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 16.11.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 10.02.2026.

About the authors:

Ivan A. Lavrov, Cand.Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Research Center for Digital Sociology “Yadov Center”, Russian State University for the Humanities (6 Miuskaya Square, Bldg. 6, Moscow 25047, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3567-4502>, ResearcherID:ACU-0617-2022, ScopusID: 57554381900, SPIN: 7078-1189, lavrov.sociology@gmail.com

Olga V. Kryshтанovskaya, Dr.Sci. (Sociol.), Director of Research Center for Digital Sociology “Yadov Center”, Russian State University for the Humanities (6 Miuskaya Square, Bldg. 6, Moscow 25047, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-0940>, Researcher ID: GLQ-7604-2022, Scopus ID: 7801579339, SPIN-code: 5881-9789, olgakrysht@yandex.ru

Contribution of the authors:

I. A. Lavrov – investigation; writing – original draft preparation.

O. V. Kryshтанovskaya – project administration; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 16.11.2025; revised 23.01.2026; accepted 10.02.2026.